УДК 070.1

Н. В. Куксанова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

nvkusanova@mail.ru

ТЕМА «РОССИЯ – ЗАПАД» В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ В. В. РОЗАНОВА

Статья посвящена выявлению и анализу впечатлений и образов России и Запада, создаваемых В. В. Розановым во время его путешествия в Европу в 1901 г.

Ключевые слова: географическое путешествие, культура, архитектура, церковь, католицизм, православие, Европа, Италия, Россия.

В Европу можно ехать с пустым сердцем: тогда в ней ничего не увидишь.

В. Розанов

Василий Васильевич Розанов не был любителем далеких путешествий. В самом конце XIX в. он писал в «Новом времени»: «Нужно заметить, Бог так устраивал мою жизнь, что я не только не выезжал из любимого отечества, но никогда и не подъезжал близко к его границам» (Розанов, 1994. С. 423). Ко времени своей первой поездки за границу в 1901 г. в Италию он был уже состоявшимся религиозным философом и известным публицистом, который своими текстами привлекал внимание широкой общественности по вопросам просвещения, состояния и эволюции церкви, духовенства, истории литературы. К широкой общественности сам публицист относил «одухотворенное и нервное общество», т. е. тех, по его собственному выражению, кто делает «музыку жизни». Второй раз в 1905 г. он посетил Германию и Швейцарию. В 1910 г. выезжал на курорт Наугейм в Германии и тоже оставил путевые очерки, которые публиковались в газете «Новое время» в течение

двух летних месяцев. Они еще ждут внимания исследователей.

Предметом анализа данной статьи стали путевые очерки из Италии. Иногда в литературе вполне правомерно они отнесены к эссе, потому что в них эмоциональная энергетика автора выходит на первый план повествования. Тема данной статьи вписывается в чрезвычайно широкую проблему «Россия и Запад», которая весьма актуальна в общественно-исторических исследованиях в самых разных аспектах: этнопсихологическом, культурологическом, политическом, географическом. Интенсивные процессы глобализации требуют целенаправленного конструирования и моделирования национальных и региональных геополитических образов. Очерки Розанова публиковались в «Новом времени» в марте-сентябре 1901 г. Печатались они в основном по горячим следам путешествия, и это создавало у читателей чувство реальности запечатленных автором наблюдений. Ощущение непосред-

Куксанова Н. В. Тема «Россия – Запад» в путевых записках В. В. Розанова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 6: Журналистика. С. 5–11.

ственности живых впечатлений нашло отклик в читательских письма, пришедших в редакцию. Три очерка о Флоренции и Пестуме были опубликованы в журнале «Мир искусства» в 1902 г. и сопровождались рисунками Л. Бакста в стиле модерн, что очень удовлетворяло самого автора. А в 1909 г. были изданы отдельной книгой под названием «Итальянские впечатления» с небольшими прибавками о путешествии по Германии.

С одной стороны, это было типичное географическое путешествие, где происходило экстенсивное динамичное расширение географического пространства для самого автора. С другой стороны, шло внутреннее освоение нового пространства, в результате чего создавались локальные типологические образы страны и отдельных мест, одновременно рождались их сравнения с образами и символами России во всем многообразии ее социальной жизни. Розанов постоянно фрагментирует и расщепляет окружающее пространство, совершая движение в реальном и образном мире и обозначая собственную позицию наблюдателя. Однако и после прочтения путевых очерков остается вопрос: насколько очевиден образ самого путешественника?

В начале своих очерков Розанов делает принципиально важное заявление, что его не интересует бытовая инфраструктура человеческого бытия, она везде одинакова. В Европе его привлекает исторически сложившаяся социальная организация жизни общества: «Мне хотелось взглянуть на Европу как на место чудовищной исторической энергии, где отложились слои великого труда, подвигов, замыслов, гения, надежд и разочарований. Мне хотелось “понюхать их пота” и “взглянуть на их лица”: как? что? горит ли там энергия? есть ли “вера, надежда и любовь”, говоря восточную фразеологией. Я поехал с историческим интересом, а не с географическим интересом: и читатель или путник по Европе найдет в этой книжке себе друга, если едет туда с аналогичными намерениями» (Розанов, 1994. С. 19). Отказываясь от статуса географического путешественника, публицист часто остается в своих текстах в контексте образно-географического исследования и выступает в роли странствующего этнолога, наблюдая и описывая быт и нравы населения городов и нации в целом. Притягательность европейской куль-

туры не покидает его на протяжении всего путешествия.

В Италии Розанов посетил Рим, Флоренцию, Венецию, Неаполь, Капри, Везувий, Помпею, маленькие города Салерно, Пестум, – те места, которые уже выступали как центры международного туристического интереса. Отношение к итальянцам изначально оказывается толерантным, но как к людям с другими кодами человеческого поведения. Во главе эмоционального рассказа – стремление к пониманию и диалогу, открытости, а не восприятие другой культуры только с точки зрения соответствия своей собственной модели: «Но буду рассказывать. И буду рассказывать с любовью, понеже православному подобает все любить. Прежде всего – бездна вкуса разлита во всем. Это вы замечаете, едва из прозаической и безвкусной Австрии, с ее пирожками, немками, кофе и сливками, спускаетесь в Италию. Здесь есть не умеют, не стараются и вообще не в этом культура» (Розанов, 1994. С. 27). Восторгаясь европейской культурой, воплощенной на территории в Италии, и спеша донести свои впечатления до читателей, он в то же время не воспринимает универсализм западной цивилизации.

Розанов в течение всего путешествия признается читателю, что за границей острее воспринимается Россия и русский народ. Публицист демонстрирует благожелательное отношение к Европе, но Россия не рассматривается им как часть европейской цивилизации. Россия и Европа воспринимаются Розановым как отдельные культурно-географические пространства и центральным культурным фактором, формирующих их различие, становится различие веры: «Но и мне, как человеку массы, живущему более общим впечатлением от церкви, нежели вхождением в ее подробности, когда я бродил по улицам Рима, внутренний голос шептал: “Не то! не то! это совершенно не то, что смиренная вера Москвы, Калуги, Звенигорода, моей родной Костромы”. Передам не для того, чтобы выразить какую-нибудь истину, чтобы показать силу несходства, один порыв своей души» (Там же). Особые эмоционально возвышенные впечатления на пребывание в Италии наложило то обстоятельство, что оно частично совпало с празднованием католической Пасхи. В страстную пятницу Розанов был

в соборе св. Петра в Риме. В субботу – в Коллизее. В саму Пасху он снова в соборе св. Петра. Посещение красочных пасхальных литургий еще больше укрепило его во мнении о принципиальных различиях православия и католицизма: «В другой раз я подумал, все суммируя свои наблюдения, все бродя по улицам города, поминутно заходя в церкви: “Да, это – не разделение церквей, как пишут учебники, это – не секта, не толк, не учение: это совсем разные религии – православие и католичество”» (Розанов, 1994. С. 27).

Особенно покорила В. Розанова литургия света – главное богослужение страстной субботы, за которым следуют «Провозглашение Пасхи» и литургия крещения. Эстетическое освоение пространства и постоянное обращение к культурно-историческим архетипам, которые сам автор обозначает как «погружение в метафизические идеи древности», становятся постоянными в его коммуникативном описании. В праздничном убранстве собора, где лучи двух рядов лампад соединяли свет, идущий от потолка и пола, он увидел «прекрасный символ самой сущности религии». Поразил своей обыденностью католический пост, во время которого Розанов не заметил особенностей ни в еде, ни в поведении жителей Рима.

Увиденное привело его к размышлениям о различиях поведения верующих во время поста в католической и православной религиях. В них Розанов идет не только от церковных канонов, но и от условий жизни населения, отмечая неоднократно, что европейский климат и городская жизнь создают условия для более равномерного темпа жизни населения. В России же совершенно иные условия жизни, которые, по его мнению, исторически повлияли на психологию поведения русского человека во время поста: «Образ христианского жития, приуроченного к городской, трудовой, заботливой, семейной и общественной жизни, Восток не выработал и не имеет до сих пор. Это чрезвычайно важно. Пост и вообще разделение года на полосы мясоеда и поста, в сущности, и в настоящее время обнимают всю бытовую, трудовую и религиозную жизнь восточного православного человека; и вот он живет не ровным темпом, а полосами, порывами, в сущности – увлечениями, то в сторону грусти, то в сторону необузданного веселья и всяческого невоздержан-

ния. Но, очевидно, русской крови, русской душе это пришлось “по душе”, и она теперь живет, существует, то “шапку набекрень”, то “с вздыханием”. Второе важное последствие этого: в православной русской душе мысль об отношении к Богу, “religio” до такой степени связалась с постом, т. е. собственно с едой, обедом, в последнем анализе – с гастрическим самоустройством, что из нее выпали все поиски более тонких и духовных способов угождения Богу» (Там же. С. 29–30). Приведенные размышления автора свидетельствуют, что на его восприятия, возникающие во время путешествия, влияли не только непосредственные личные эмоциональные впечатления, но и усвоенные им взгляды представителей русской государственной исторической школы в лице С. И. Соловьева и В. О. Ключевского.

Новые визуальные наблюдения ускоряли процесс внутреннего саморазвития. Публицист признается читателю, что посещение этих мероприятий способствовало углублению собственного самосознания. В Риме, а он пробыл в нем больше месяца, происходило расширение и частично преодоление ранее накопленных знаний: «“Покорность – вот сущность католицизма”. Так мы учим со школы и так читаем в книгах... Но зрелище Рима еще более убедило в этом. Нет свободнее и, так сказать, внутренне буйственнее человека, чем католический священник, академик, семинарист, прелат. Точно они все летают около какой-то добычи, огромными кругами, быстро рея в воздухе, свободно, именно как птица в воздухе. Я целые дни провожу на воздухе, живу в Риме месяц и не видел священника, идущего медленно, развалиясь, усталого или скучающего. Ни одного кислого лица я не видел целый месяц» (Там же. С. 41–42). В размышлениях Розанова о католицизме не было лояльности к нему, но агрессивной враждебности тоже не ощущалось.

После посещения музеев Ватикана публицист прямо заявляет, что итальянские и вообще католические церкви – внутренние и интимные центры религиозного сосредоточения человека, места более свободного общения прихожан с Богом по сравнению с православными церквями: «Наш храм есть официальное религиозное место. В нем мы не только стоим, как и во всяком высокоприсутственном месте, но стоим от часа и стольких-то минут до часа и стольких-то

минут, после которых просто неловко остаться или задержаться в храме» (Розанов, 1994. С. 52). На этой длительно существовавшей возможности индивидуального и интимного общения с Богом и родились шедевры итальянской живописи. Василий Васильевич не стеснялся сообщать читателю о своей физической и психологической усталости при осмотре достопримечательностей. Огромное впечатление на него произвели в музеях Ватикана фрески Рафаэля и «Страшный суд» Микеланджело в Сикстинской капелле, скульптурные творения старых мастеров: «Удивительно, какие мысли во мне возбудила Сикстинская капелла и также большие фрески Рафаэля: о политической, да и вообще всяческой свободе. “Мы не свободны, мы не свободны”, – твердил я, бродя по комнатам. И еще: “нужно свободы, доходящей до безумия, до безрассудства, чтобы начать так говорить”» (Там же. С. 46).

Позже, будучи во Флоренции, Розанов снова возвращается к проблеме веры и ее воплощения в католицизме: «Это – вера. Да, это тоже вера, не как наша, теплящаяся, колеблющаяся, как огонь лампы, тихая, прекрасная, слабая – это другая, но тоже вера, законов которой мы не можем рассудить по совершенно особенным законам своей веры» (Там же. С. 113). По сути дела, здесь содержится призыв не судить огульно католицизм, но постараться понять его как разновидность христианства. Чрезвычайно важным для самого Розанова стало изменение и расширение самого понятия и содержания христианства.

Лояльность и непредвзятость Розанова к католицизму подчеркивали А. Н. Николюкин и В. А. Фадеев в комментариях к «Итальянским впечатлениям»: «Позиция Розанова по отношению к католицизму была настолько непредвзятой, что иезуитская газета “*Vocedella Verita*”, по словам Беляева, даже усердно цитировала очерки Розанова по мере их появления в “Новом времени”, подавая их как выступление русского, ратующего за соединение церквей». В увлечении католицизмом упрекал Розанова и тяготевший к охранительству А. А. Киреев¹. Однако именно в Италии Розанов убеждается,

что различия между католиками и православными носят непреодолимый характер: «...это совсем разные религии – православие и католичество... “Примирение церквей!” Боже, какая это утопическая мечта гимназиста четвертого класса!» (Там же. С. 426). Розанов в качестве главных позитивных черт католицизма отметил дисциплину, твердость и ясность духа, жизненную активность.

Сам публицист также возвращался к этому вопросу, подводя некоторые итоги состоявшейся публикации: «Со времени напечатания моих “Римских впечатлений”, и в письмах и устно, мне многие выражали сожаление и досаду, что я “заразился” католицизмом; это подозрение отчасти повторяет и г. Киреев, говоря, что я, как и Вл. Соловьев, “указываю на Запад и Рим для уврачевания наших местных недостатков”. Все эти подозрения более чем неосновательны. Италия, которую я хотел бы еще раз посмотреть, так сказать, “отворила двери” моего религиозного созерцания, но только отворила, а не повлекла куда-нибудь. Стало просторнее на душе. Не выезжав никогда из России, я со словом “русский” и “русизм” сливал понятия: “христианин”, “верующий”, “христианство”, “вера”. Перевалив через Альпы, я прямо изумился увиденному. “А! так вот как еще можно верить, думать, молиться, созерцать – оставаясь христианином; а когда так можно, то еще можно и по-третьему”, – подумал я» (Там же. С. 125).

Как мы видим, итальянские наблюдения привели Розанова к еще одному чрезвычайно современному выводу, к восприятию и пониманию христианства не только как веры, но как неотъемлемой части человеческой культуры: «Мне кажется, в христианстве как мало обдуманно и взлелеяно и вообще культивировано вхождение человека в мир, так найдена абсолютная и, так сказать, не нуждающаяся в коррективах и дополнениях красота выхода из бытия. Смерть и похороны, со всеми подробностями, до ниточки – постигнуты в нем человеческою душою в такой мере, музыкально, обрядно, певчески, словесно, символично и прямо, что работать здесь далее мыслью уже невозможно» (Там же. С. 4). В духе современных исследований он так же писал о том, что для творцов дохристианской культуры были важны, прежде всего, телесные изображения, для христианских –

¹ Александр Алексеевич Киреев (1833–1910) – русский религиозный публицист.

на первый план выходят волнения души и образ Бога. Очевидно, что Розанов не был первооткрывателем этих истин. Исследователь Я. В. Сарычев отметил, что еще Леонтьев предварил Розанова в той мысли, «что религия (христианство), помимо всего остального (задач индивидуального спасения в первую голову), дает содержание нации, национальному типу, а оригинальная нация обособляет себя от прочих своим собственным религиозным содержанием, соответствующим ее “психологическому строю”» [Сарычев, 2006. С. 112].

В путешествии по Риму он увидел культурную целостность римской жизни, ее единство, динамику: «Все в древнем мире было между собою связано» (Розанов, 1994. С. 59). В рассказах о городских экскурсиях и прогулках идет постоянное сравнение Италии и России: пространства, религии, народа, обычаев, поведения. Горы Капри публицист сравнивает с Крымскими горами. Увиденное на улицах для писателя становится началами психологического описания народа, портрета русских и европейцев от гражданских лиц до военных: «Шаг итальянских солдат совершенно другой, чем русских. Русская рота не идет, а движется. Шаг ужасно тяжел, т. е. нога чрезвычайно твердо поставлена на землю (как в Риме у католических монахов). Лица у наших солдат серьезные, ответственные. Присяга его подавила, но и через присягу он вырос. Русский солдат весь – клятва, верность; чему верность, – смутно, но и тем более это страшно, задумчиво, ответственно. “Чему верность – это знают командиры; моя верность – это верность команде”. Русский солдат есть победитель мира, да это так прямо и написано на его роковом лице. Он и папу арестует, и американца сметет, и социалиста укротит» (Там же. С. 97). В итальянских солдатах, которых он сначала не воспринимал серьезно, его покорили трудолюбие, старательность, динамичность: «Если русскую роту можно убить, а не разбить, т. е. говоря вообще и опуская частности, то итальянская производит такое впечатление, что ее именно нельзя разбить, потому что она гораздо раньше этого разбежится. Конечно, я ошибаюсь и не хочу сознательно клеветать, но психологическое и зрительное впечатление от них именно такое» (Там же. С. 97–98). Такая искренность автора, дающая возможность для собственных даль-

нейших рассуждений, должна была покорять читателя.

В обыденной жизни итальянцев Розанова постоянно поражало распространение повсюду мелкой торговли всякой всячиной, которую вели обычные обыватели, настигая покупателей в экипажах, на улицах. Часто эта уличная торговля соседствовала с музыкой, которую исполняли простые люди со скрипками и флейтами. Впечатляло соседство средневековых узеньких улиц и электрического трамвая, водитель которого ухитрялся тормозить «почти на носу пешехода». И, естественно, Розанова не могла не взволновать проблема пьянства. Живя в Италии, он не увидел массового пьянства при обилии вина. Отсутствие этого явления, по мнению публициста, придавали жизни в стране мягкий, вежливый колорит и отнюдь не лишали ее талантов и даровитостей. В этом Италия оказывалась тотально противоположна России. Розанов подчеркивает: «Вся Россия (“Руси есть веселие питий”) закричит: “Все даровитые люди пьют!” Но ведь Пушкин и пьянство – несовместимы. Гоголь и пьянство – невообразимы вместе. То же продолжим о Лермонтове; то же скажем о Достоевском, Толстом, Гончарове. А это уже длинный ряд, и при всеобщей склонности русских к “выпивке” этот ряд что-нибудь говорит, особенно если принять во внимание, до чего Лермонтов, Достоевский и Пушкин были предрасположены вообще к влечениям и в частности к “хорошей компании”. Гений и алкоголь обыкновенно до неистовства враждебны между собою...» (Там же. С. 86).

Публициста глубоко печалило пристрастие русского народа к водке, и он пытается найти исторически оправданное объяснение двум разным типам психологического поведения: «Теперь нельзя ли извлечь отсюда практическое поучение: что чем предупредить? Наблюдения в Италии мне помогли. Итальянец каждую минуту на ходу пьет виноградное вино, дешевое и ничтожное, но чуть-чуть возбуждающее. Пьет вместо воды, но также и кой для какой веселости. Мне кажется, что психические свойства виноградного вина имеют тенденцию укреплять кровь. Известно, что у нас, в России, временный упадок духа, несчастье, разорение, гибель любимого человека образуют предрасполагающий момент к запиванию и затем к дальнейшей алкогольной гибели. Сле-

довательно, упадок духа и алкоголь – родня между собой» (Розанов, 1994. С. 87). Однако нашлись и общие черты в организации повседневной жизни народов: «Нынешние греки и итальянцы живут точь-в-точь как и русские. Кухня – на задворках, в сторонке спальня – темная и неудобная, со всяким хламом, который стыдно вынести в парадные комнаты. Далее парадные комнаты, “главное” жилища; это кабинет мужа, гостиная жены, и для официальных и отяготительных посетителей – зала» (Там же. С. 101). В непогоду у всех болит голова, а в хорошие летние вечера жители пьют вино и играют в винт. Здесь, очевидно, Розанов имеет в виду интеллигентных жителей Петербурга.

Проанализированные тексты свидетельствуют, что в минуты и часы наибольших эмоциональных впечатлений от увиденного в Европе Розанов обязательно обращается к России. Так было и в Венеции, где его привели в восторг башня св. Марка (падающая), архитектура площади св. Марка, Дворец дождей. Размышляя об окружающей архитектуре и признавая удивительную ее соразмерность, целостность и уникальность, он обращается к наиболее знаменитым памятникам России: «Выньте из Кремля Ивана Великого, – не Бог знает какую красоту, – уберите перед Кремлем Василия Блаженного, – и целое вдруг потеряет смысл, красоту, целостность, гармонию» (Там же. С. 115). И далее в тексте очерка уже идут раздумья автора о наиболее уникальном в архитектуре России: «На вопрос, что лучше, Зимний дворец или Василий Блаженный, всякий, вероятно, скажет, что – Василий Блаженный. Таких, как Зимний дворец, зданий может быть много, и есть здания, к нему приближающиеся. Но к Василию Блаженному ничто не приближается. Он один. Каприз времени, чудачество эпохи возвело вещь, неповторимую ни в какие другие времена и непосильную ни Растрелли, ни Тону» (Там же. С. 116). Розанов не стесняется писать, что испытал восторг и счастье от общения с культурой и архитектурой Италии. Но тут же он проводит мысль, что уникальные архитектурные памятники все-таки органичны в определенной национальной среде. Если перенести храм Василия Блаженного в другую культуру в Лондон или, особенно, в Нью-Йорк, то он там будет неуместен и эстетически непригляден.

Основой оценки другой европейской действительности для Розанова выступает собственный интеллектуально-психологиче-

ский опыт. И он активно использует свое философское видение для сопоставления этой иной и русской культуры, истории и жизни. В Венеции после наблюдения ее красот писатель задает себе и читателю вопросы об общем будущем: «Неужели разовьются и вырастут в истории силы, среди которых если бы пришлось запутаться и погибнуть державе Петра, то это выразилось бы так же бесшумно, незаметно и неинтересно, как гибель Венеции? Но что же это за силы будут? А если не будут, то неужели держава Петра есть грань и конец истории, предел земного величия и значительности?» (Розанов, 1996. С. 121). В данном случае Василий Васильевич выступает как представитель авторской традиции, позволяющей на основе собственного индивидуального видения и понимания задавать глобальные эсхатологические вопросы о конце истории и мироздания.

В доведении до читательской аудитории творчества и путевых очерков Розанова большую роль играла газета «Новое время», которая, по его собственному мнению, не поддавалась «всеобщим увлечениям явно глупыми явлениями» (Письма..., 2006. С. 291). Публицист считал, что «Новое время» представляет собою гарантию для талантливых людей и обеспечивает его будущее в творческом и материальном отношении. В газете редактор А. С. Суворин культивировал принцип сказать короткое, но исторически значимое слово и обязательно литературным стилем. И здесь позиции двух талантливых людей совпадали. Суворин преклонялся перед литературным талантом Розанова, но в то же время внимательно читал материалы публициста и делал весомые замечания. В одном из писем Розанову Суворин просил его внимательно посмотреть корректуру статьи и уничтожить скобки, которые мешают читать, делают текст негармоничным, прыгающим. «Они все равно, например, как в игре на скрипке лопанье струны» (Там же. С. 298–299). В другом письме от 6 июня 1900 г. Суворин снова настаивает очень опытного и известного широкой публике Розанова: «Правильно говорите о значении присяжных, но говорите это, – как для детей в школе. Статья должна быть повыше школьного преподавания, и в ней должно быть место догадке читателя. Вы должны читать корректуру и исправлять ее, не особенно восторгаясь написанному сразу» (Письма..., 2006. С. 299–300).

Суворин не только восторгался талантом Розанова, но позволял себе критиковать его, когда Василий Васильевич погружался в широкую символизацию, располагая преимущественно своим эмпирическим опытом: «Мне думается, что говорить о народных обычаях нельзя по своему только опыту. Вы “не знали о движении звезд”, Ваш учитель “тоже не знал”, – и Вы объявляете, что и народ об этом не знал. А я с семи лет это знал: моя мать зимою пряла и вставала по стожарам (плеяды). Мужики знают небо, луну, солнце, – и есть множество примет и поговорок об этом» (Там же. С. 305).

Суворин отправляет публициста к этнографическим исследованиям русских ученых И. П. Сахарова, И. М. Снегирева, А. Н. Афонасьева, А. Н. Пыпина, Ф. И. Буслаева: «Есть предшественники, которых нужно прочесть... Вы точно в Италии себя воображаете» (Там же). Он требует хотя бы поверхностно посмотреть таких известных исследователей, как А. Н. Пыпин и Ф. И. Буслаев. Суворин, несмотря на то, что он часто бывал в Европе, вместе с читателями газеты проникся восхищением автора Италией и выразил его в письме к автору: «Я читал с удовольствием Ваши статьи, – не все, но большую часть. Я завидовал Вашей впечатлительности и вспоминал, как я в Милане, в день празднования юбилея Пия IX, рыдал от умиления во время службы в чудесном Миланском соборе» (Там же. С. 300).

Василий Васильевич Розанов не был опытным путешественником, огромную роль в его итальянских очерках сыграли первые эмоциональные впечатления от красивой

страны, наполненной шедеврами живописи и архитектуры, а также приобретенный к этому времени опыт философского исследования окружающей реальности. В очерках об Италии рельефно проявились уже отмеченные исследователями такие черты творчества писателя, как искренность переживаний, передача их образным художественным языком, соединение индивидуальной мысли и образа. Присоединяясь к оценкам предшественников, хотелось бы особенно подчеркнуть, что при всей любви к России он показал читателю ценность исторического опыта Запада и не увидел в нем врага. Правда и то, что для этого, на наш взгляд, у Розанова был ценный образец.

Список литературы

Сарычев Я. В. В. В. Розанов: логика творческого становления (1880–1890-е годы). Воронеж, 2006.

Список источников

Розанов В. В. Итальянские впечатления // Розанов В. В. Среди художников. Итальянские впечатления. Собрание сочинений. М.: Республика, 1994. Т. 1. С. 19–126.

Розанов В. В. Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине // Розанов В. В. Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.). М.: Республика, 2006. Т. 22. С. 259–290.

Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову // Розанов В. В. Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.). М.: Республика, 2006. Т. 22. С. 291–337.

Материал поступил в редколлегию 24.03.2014

N. V. Kuksanova

*Novosibirsk State University
2 Pirigov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

nvkuksanova@mail.ru

THEME «RUSSIA – WEST» IN TRAVEL NOTES OF V. V. ROSANOV

The article is devoted to the identification and analysis of impressions and images of Russia and the West, created by V. V. Rozanov during his trip around Europe in 1901.

Keywords: geographical journey, culture, architecture, church, Catholicism, Orthodoxy, Europe, Italy, Russia.

References

Sarychev Ja. V. V. V. Rozanov: logika tvorcheskogo stanovlenija (1880–1890-e gody). Voronezh, 2006. (In Russ.)